Д. БЫСТРОЛЕТОВ

Рисунки автора

ТИХАЯ СМЕРТЬ И ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

В СТЭНЛИВИЛЕ доктор де Гаас снабдил художника ван Эгмонта пропуском в район изоляции больных сонной болезнью. Он был расположен у реки, близ поселка, где высадилась экспедиция.

Черный фельдшер проверил пропуск и только после этого ответил на вопросы.

— Изоляторы организуются для того, чтобы уничтожить человеческий резервуар болезни. Каждый зараженный является очагом: его может укусить муха цеце, которая передаст затем возбудителя болезни сотням здоровых людей из окружения больного, как это делает комар анофелес с возбудителем малярии. Здесь больные собраны вместе, и зараженные мухи кусают в основном уже больных людей. Зато каждый укус такой мухи здесь означает верное заражение. Помните — цеце вонзает жало с налета! Поэтому спустите накомарник на лицо, шею и берегите руки, а потом поскорее уезжайте не только отсюда, но и из деревни. Плохое место, мсье.

— Почему?

— Свалка использованного материала. Мусорный ящик. Там все больные: среди них вы можете подхватить и проказу, и сифилис, и оспу. Богатый клинический материал, мсье.

— Большая больница?

— Нет, ведь в больнице лечат, а здесь просто материал. Так опустите же накомарник с шлема!

Они вошли за невысокую изгородь.

— Разве трудно перелезть через этот жалкий забор?

— Для больных трудно и незачем, мсье. Ведь они далеко от дома. Их дело — умирать, мсье, они это знают. Нам доставляют сюда больных только после наступления второй стадии.

— А именно?

— Сначала заразившиеся замечают нарастающую утомляемость, вялость, потерю памяти. Но они еще работают и живут как обычно. Потом вдруг наступает приступ бредового состояния: больной бросается на всех, он невменяем. Его сажают на цепь или спускают в яму. Там он то рычит на людей, то дремлет и все дрожит, дрожит. Это наш материал. При объезде района жандармы захватят его с собой и доставят сюда. Наступает вторая стадия — сонливость. Больной сначала засыпает часа на два после обеда, потом и после ужина, наконец также и после завтрака. Спит часов по двадцать в сутки. Все заканчивается неотвратимым наступлением третьей стадии — сном круглые сутки, переходом сна в потерю сознания. Смерть у этих больных тихая, вы сейчас увидите, мсье.

— Сколько же длится болезнь?

— Разно: полгода, год.

СМЕРТЬ И ЦВЕТЫ

Это было раскаленное солнцем поле, густо покрытое обшарпанными кустами, жалкими шалашами и испражнениями. Тошнотворный смрад стоял в воздухе, тучи мух облепили все: кусты, шалаши, людей, валявшихся на загаженной земле, злосчастную эту землю, всю шевелившуюся от несметного количества муравьев, жуков и крыс. С первого взгляда поражала худоба людей и откормленность паразитов, наглых до невероятия: это было их царство.

— Что же вы не убираете территорию изолятора?

— Я здесь один, я только принимаю новых боль-

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня», № 3—5 за 1963 год.

ных от конвоя. По положению они должны убирать за собой сами.

— У вас нет помощников?

— Нет, кроме тех, кто варит и носит пищу да хоронит умерших.

Они медленно бродили под палящим солнцем среди больных, сидевших и лежавших на земле. Их было много, этих смрадных призраков, и только отдельные случайно могли привлечь к себе внимание.

Вот по земле ползет в сидячем положении тощая женщина. Она передвигается, как краб, но медленно. Глаза закрыты.

— Куда она ползет?

— Никуда, мсье. Так себе, ей что-то снится.

— А почему она так исхудала?

— Пройдите вот сюда, мсье, и вы поймете.

Оба остановились у шалаша. Облокотившись спиной на жердь, подпиравшую крышу, в шалаше спал живой скелет. У его ног стояла миска с едой, изо рта торчала лепешка.

— Я утром едва растолкал его и дал пищу, но он заснул, так и не дожевав завтрака.

— С куском во рту?

— Как видите, мсье.

На солнцепеке сидел мальчик, широко раскинув ноги и руки и забросив голову далеко за спину. Легкая дрожь пробегала по изможденному телу. Глаза были закрыты. Мальчик спал.

— Он завтра-послезавтра умрет. Воспаление мозга, мсье. Признак конца.

— А эти? Спят или умерли?

Фельдшер наклонился.

— Умерли. Вечером их вытащат за зону.

Ван Эгмонт перевел дух.

— Откуда здесь столько цветов? Вы их насадили, что ли?

— Что вы, мсье. Зачем мне? Просто почва здесь жирная, вот цветы и прут из нее.

Они постояли молча. Люди и крысы, муравьи и мухи. Смерть. Цветы.

Пробираясь к выходу, художник остановился. Среди невероятно пышной клумбы лежала молодая девушка с содранной кожей. Из красного кровавого мяса кое-где торчали белые кости. Миллионы жирных муравьев ожесточенно пожирали спящую, которая еще дрожала и дергалась. И цветы покачивали нежными головками не то от сострадания, не то от ужаса. Вот она, тихая смерть...

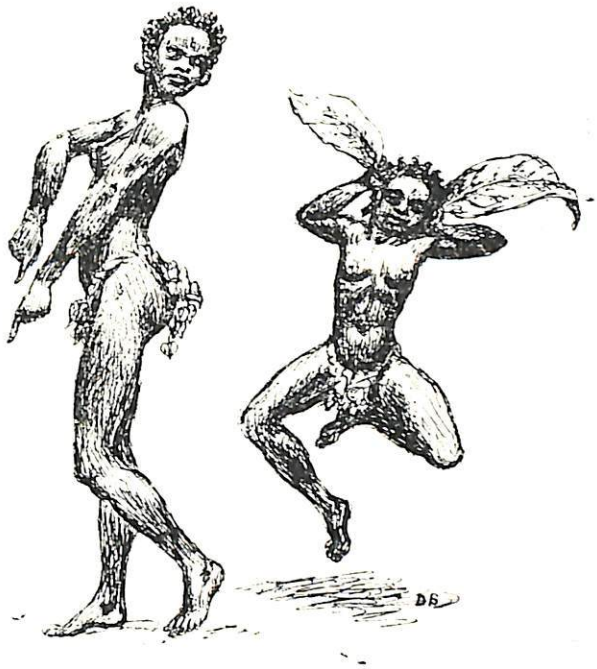
— Что же вы не уберете ее?

— Нельзя. Она еще не умерла. Ведь существуют правила, мсье. Официальное положение. Я не хозяин здесь. Весь обслуживающий персонал изолятора — заключенные, мы отбываем тут срок.

Люди и муравьи, небо и смрад, крысы и цветы. Ван Эгмонт хотел закурить и не смог: дрожали пальцы.

ЧЕРВИ И ЛЮДИ

Это была этапная деревня: свежие контингенты рабочих непрерывно высаживались с реки, их гнали в лес и на шахты, а потерявшие трудоспособность сами брели с концессий обратно к реке и толкались здесь, потому что дальше им брести было некуда. Сразу бросалась в глаза разноплеменность населения, выхваченного из деревень в разных концах страны и объединенного затем общей судьбой — попасть в эту мясорубку здоровыми людьми и быть выброшенными из нее в качестве мелко изрубленного человеческого фарша. Многие жили здесь, видимо, годами, потому что вместе с мужчинами и женщинами рабочего возраста попадалось немало маленьких детей и стариков. Это был достойный внимательного изучения социальный процесс конгломерирования разнородных обломков в единую массу, в новое общество.



— Мне следовало бы сначала попасть на концессию и взглянуть на технологию перемалывания людей в труху, а уж потом пройтись по такой деревне, чтобы посмотреть здесь на обратный процесс — образование из человеческой трухи нового общества,— думал ван Эгмонт, проходя из переулка в переулок, шагая через кучи мусора и нечистот и заглядывая во все закоулки. — Но все равно — перелистаю этот страшный обвинительный акт до самого конца.— Художник хотел по-прежнему оставаться вольным туристом и не мог — мешала совесть.— Мне все равно, мне все равно,— механически убеждал он себя, сжав зубы и кулаки от ярости и жгучего стыда.

Об этой деревне можно было бы написать книгу. Позднее художнику было трудно восстановить в памяти лица, вспомнить отдельных людей. Запечатлелись невероятно раздутые ноги, выгнившие носы и рты, отвалившиеся пальцы, вытекшие глаза, паучьи ноги, утиные руки-лапы. Удивительное разнообразие уродства.

Вспоминались не люди, а черви, страшные белые черви Африки, пожирающие заживо тысячи и тысячи черных людей. Вот на куче нечистот сидит старик и терпеливо обрабатывает свои ноги, ступни которых покрыты язвочками. Из каждой язвы торчит хвост или головка тонкого белого червя, намотанного на щепочку. Черви разной длины, судя по мотку,— до метра и больше. Это дракункулы. С искаженным лицом больной по очереди медленно тащит червей из своего тела, миллиметр за миллиметром. Вот у порога хижины лежит на спине, расставив ноги, молодой мужчина. В лимфатических узлах этого несчастного свернулись плотными клубками черви-филярии длиной до десяти сантиметров. Больной отдыхает днем. Еще бы! Миллионы молодых червей

сейчас спрятались в его внутренностях и ждут. А ночью, между одиннадцатью и двумя часами, они выйдут в кровь, и тогда берегись, несчастный! В одной капле крови из пальца руки находят до пятисот молодых червей... А рядом с отдыхающим мечется его безобразно отекшая жена: она поражена червями лоа-лоа. Молодые черви лоа отдыхают ночью и выходят в кровь днем, в жаркие часы. От напряжения с женщины катится пот, его запах привлекает насекомых, и вот они уже вьются вокруг: это толстые короткокрылые таоны, они-то и являются опаснейшими передатчиками возбудителя.

Проказа... Трихоцефалез... Анкилостомоз... Шистозомоз... Эхинококкоз... Тениоз... Описторхоз... Трихинеллез... Стронгилоидоз... Желтая лихорадка... Денге... Спру... Черная оспа...

Люди, иссохшие, как скелеты, и раздутые, как бочки. Дрожащие и истекающие потом. Молчащие и воющие.

Люди и черви... Черви и люди...

Убийственная выставка человеческого страдания и человеческого равнодушия.

УГОЛОК ВОЛЬНОГО КОНГО

Но разве Конго — только большая свалка? Мусорная куча? О, нет! Тысячу раз нет! Кто мог бы лучше, чем сам художник, опровергнуть эту вздорную мысль? Ведь во время своего речного путешествия к границам Итурийского леса он своими глазами видел районы сытого, здорового и счастливого Конго!

Дело было так. В тех местах, где река выходила из горных кряжей в низину, она всегда не только становилась широкой, но и образовывала множество заливчиков. Эти тихие заводи кишели птицей и бегемотами. Здесь экспедиция быстро пополняла свои пищевые запасы. Если вдали уже виднелись холмы, где можно было выйти на «сухой» лесистый берег, то выгоднее было быстро настрелять птиц, подобрать добычу и скорее тронуться дальше. Но однажды ван Эгмонт увидел такой склад живого мяса после полудня, когда гребцов нужно было кормить, а синеватых верхушек холмов разглядеть из-за густой и высокой травы никак не удавалось. Поэтому было решено здесь же пообедать.

Гребцы выволокли туши бегемотов на топкий берег и принялись их разделывать. Люди рассыпались вокруг в поисках кратчайшего пути в лес и вскоре вернулись... с пленниками! После строгого допроса выяснилось, что все эти мужчины и женщины — беглецы из рабочих групп, принудительно направляемых по реке на концессии. Их накопилось тут уже свыше ста человек. Все кормились из этой заводи, а жили в лесу. Там у них были разведены костры, невидимые с воды. Возникло поселение, защищенное болотистым берегом и не помеченное на бельгийской карте, а потому совершенно свободное. Некое подобие крохотной независимой черной республики в белом царстве рабства и угнетения.

Пришельцы принесли в деревню мясо и, главное, соль. Началось веселье: еда до отвала, потом короткий отдых и, наконец, танцы.

Но какие!

После еды и отдыха художник остался лежать на охапке зелени, как живое божество, а суровый капрал во главе гребцов величественно возвышался за его спиной в качестве достойного представителя земной власти. Перед ними блестела вытоптанная босыми ногами площадка, позади нее расположились участники представления: танцоры, оркестр (кубышки и натянутые, как тетива, лианки) и хор — вся деревня без исключения. Вокруг теснился фантастический лес, далеко вверху посмеивался голубой пятачок неба. Беглецы уже давно растеряли рванье, в которое их одели поработители, и теперь они жили опять свободными и нагими. Это был чудесный театр, кусочек древнего Конго.

Сначала было много шумного озорства, ритмичной возни. Но две танцевальные композиции художник особенно запомнил, два мастерских рисунка, похожих на те, которые оставил для почтительного восхищения пещерный человек, — зарисовки с натуры, поражающие изумительной точностью и вместе с тем глубиной художественного преображения.

Тихий рокот оркестра... Приглушенная мелодия хора...

На сцену медленно выходит девушка—это Земля, наша кормилица: разве вы не видите зеленую веточку в ее зубах? Земля плавно шествует по полям, щедро разбрасывает зерна направо и налево, залог будущего урожая, залог жизни. Оркестр и хор ускоряют ритм, звуки растут, и вместе с ними растут посевы. Грациозно склоняясь, Земля растит и холит всходы, выдергивает сорняки и поливает растения, которые вьются из земли к небу, все выше и выше, все радостнее и радостнее. Но рост кончен. Теперь растения начинают цвести, и Земля обнимает их и ведет с ними счастливый хоровод, и кормит их грудью, чтобы ее дети полнели и наливались соками. Вот она вкладывает свой сосок в венчик цветка, и вы ясно видите их обоих: мать-Земля и ее дитя-растение изгибаются вместе под тяжестью плодов. Они торжествуют. Наступает жатва. А потом хор и оркестр задают танцовщице огненный ритм, и он подхвачен всеми присутствующими. Это торжество вознагражденного труда, радость сытого и уверенного в себе человека, апофеоз победы жизни над смертью.

Но из леса уже осторожно крадется зловещая фигура — юноша с огненным хвостом и с алым цветком в зубах. Это Солнце. Это Смерть: вы видите нарисованные на коже череп и кости... Медленно, как леопард вокруг козочки, кружит Солнце вокруг торжествующей Земли... Ближе... Ближе... И вдруг хватает ее за волосы и вырывает зеленую ветвь. Теперь начинается бешеная и злая пляска — борьба Солнца и Земли за радость жизни. Грубое и сильное Солнце за руку держит Землю, но она еще пытается начать танец посева. Напрасно! Хор и оркестр вскрикивают и замедляют ритм. Солнце ловит вторую руку Земли. Она бьется в жестоких объятиях Солнца и горит в них. Она делается ниже, но еще вяло отбивается от Солнца, пытающегося пригнуть ее к своим ногам. Истомленная Земля облизывает пересохшие от жажды губы и вытирает пот с лица. Вот последний глоток влаги... И Земля валится к ногам Солнца, на свою измятую зеленую ветвь. Оркестр гремит. Хор издает горестный вопль: Солнце торжествует победу! Начинается сухое время года, время жажды и голода. Земля томится у ног своего победителя, огненный хвост его вьется в воздухе, и высоко вверх подброшен алый цветок: это исступленное торжество Смерти над Жизнью!

АПЛОДИСМЕНТЫ И КАРАНДАШ

В восторге ван Эгмонт начинает аплодировать, но все замирают и настороженно вытягивают шеи: что делает руками этот странный белый? Это его танец? Или знак неудовольствия? Да нет же, нет! И художник награждает танцоров горстью соли.

Первая пара — жители саванны: это видно по их темным телам и по содержанию танца. Теперь на площадку выходят две женщины, лет сорока и пятнадцати, обе жительницы лесов, если судить по светло-шоколадной коже. Начинается магический танец жертвоприношения богине женственности. Поднимается незримый занавес, и начинается таинство древнее, как сама эта Черная Африка.

Женщина находится в центре площадки и пристально смотрит на приведенную к ней девушку, которая описывает вокруг нее широкие круги. Это жрица и посвящаемая, палач и жертва. Статная высокая женщина плавно пляшет на месте танец уверенной в себе силы, власти и жестокости. Это удав, поднявший голову на покачивающемся теле: мертвые глаза безмерно холодны, жестоки и спокойны, и только язычок быстро-быстро бегает между кривыми зубами. А девушка танцует по кругу смешной танец резвящегося зайчика: она по-детски скачет и хлопает лапками, она еще не понимает грозной опасности.

Тр-р-р-р-ах! — вдруг взрывается оркестр и хор. Девушка вздрагивает и озирается. Зайчик замечает удава. Медленно-медленно женщина поднимает руку и пальцем указывает девушке место у своих ног.

Теперь начинают надрывно плакать оркестр и хор, все сильнее, все громче. Это стон страха и отвращения. Девушка упирается, она руками гонит прочь страшную угрозу, она отказывается подойти ближе. Но неотвратимо поднимается властная рука, «тр-р-р-ах!» — низко и повелительно звучат хор и оркестр, и страшный палец опять указывает на то же роковое место. И зайчик, не отводя зачарованных глаз, ступает на один шаг ближе и снова танцует, но уже по другому, более близкому кругу.

Мелодия меняется. Это уже не испуг и отвращение, теперь это мольба. Девушка то просит о пощаде и трепещет в судорожном приступе страха, то пытается вызвать жалость к себе слезами и заламыванием рук, то хочет купить свободу предложением себя, своей молодой красоты, но беспощадная рука поднимается опять.

И мелодия снова меняется. Теперь это громкий крик отчаяния. Зайчик отчаянно бьется всем телом: только бы оторваться от этого взгляда, только бы порвать эту роковую нить между холодным и властным взором и своими мятущимися жалкими глазками, порвать — и в кусты! Ведь лес рядом, и там — свобода и жизнь! Но рука поднимается и... вдруг хватает за волосы свою жертву! «А-а-а», — слабо всхлипывают зайчик и хор. Движение — и девушка у ног жрицы.

Вдруг все исчезает. Мгновенно появляются опушка, беглецы, люди из экспедиции. Вон там лежат котлы, оружие, мешки.

Что такое?

Совершенно бессознательно в очаровании удивительной постановки ван Эгмонт зачем-то вынул из кармана карандаш и бумагу. Зачем? Неизвестно, руки его сами случайно вынули их, эти страшные инструменты поработителей, — инструменты для составления списков, для проверки суммы налога, для включения свободного человека в документ, который поведет его в армию и на шахты, на мучения, голод, болезни и смерть.

Художник вытер лицо и спрятал карандаш и бумагу. Но все было кончено. Вместо сказки всех теперь окружала действительность. С удивлением он рассматривал женщину и девушку: это они сейчас были змеей и зайчиком, жрицей и жертвой? Обыкновенные конголезки. Такие, как все.

Рабыни?

Да, — пока!

(Продолжение следует)

АЛЖИР И ФРАНЦИЯ

(Окончание. Начало см. на стр. 18)

ских предприятий и изучат перспективы промышленного строительства в стране с учетом использования ее природных ресурсов и потребностей ее рынка.

Говоря о стремлении империалистических кругов Франции навечно сохранить Алжир на положении зависимой страны, нельзя не упомянуть о том, что этому объективно способствует такой антидемократический шаг алжирского правительства, как запрещение Коммунистической партии. Известно, что коммунисты всегда находились в первых рядах патриотических сил Алжира и неизменно выступали за проведение последовательной антиимпериалистической политики, за твердый нейтралистский курс, за радикальные социально-экономические преобразования. Они и ныне вместе со всем народом отстаивают принцип дружественных и равноправных франко-алжирских отношений, отвергают империалистическое вмешательство во внутренние дела Алжира и всякие попытки восстановить там в той или иной форме господство колонизаторов. Выражая настроения прогрессивной алжирской общественности, газета «Альже репюбликэн» писала в конце прошлого года: «Разрушив нашу экономику, французский империализм пытается использовать наши трудности, чтобы навязать нашей стране политику неоколониализма. Поэтому необходимо усилить бдительность. Наше правительство нуждается в поддержке всего населения, дабы противостоять этому наступлению нового рода. Правительство Франции должно знать, что мы предпочтем скорее питаться куском черного хлеба, чем попасть в зависимость от монополий.

Возмущение всего народа Алжира и мировой общественности вызвал атомный взрыв, произведенный Францией в Сахаре 18 марта 1963 года, в годовщину подписания Эвианских соглашений. Национальное учредительное собрание Алжира уполномочило правительство республики немедленно начать переговоры с Францией с целью пересмотра военных статей Эвианских соглашений. В начале мая Франция согласилась ускорить вывод своих войск из Алжира.

В марте — апреле 1963 года алжирское правительство установило контроль над 500 предприятиями, принадлежавшими европейским колониалистам, а также над брошенными ими фермами. Тем самым было положено начало аграрной реформе. Колонизаторы всегда остаются колонизаторами. Поэтому народу Алжира предстоит еще упорная борьба как за экономическую независимость, так и за укрепление политической самостоятельности.